

Галина
ГОНЧАРОВА

АЗЪ ЕСМЬ СОФЬЯ
Сестра

Москва

ПОПАСТЬ
В ИСТОРИЮ

Галина
ГОНЧАРОВА

АЗЪ ЕСМЬ СОФЬЯ
Сестра

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г65

Иллюстрация на обложке *И. Круловой*

Гончарова, Галина Дмитриевна.
Г65 Азь есмь Софья. Сестра / Галина Гончарова. —
Москва : Эксмо, 2025. — 448 с.

ISBN 978-5-04-222180-4

Софья Романовна Ромашкина, бизнес-леди и глава крупной компании, о своем диагнозе знала. И к шансу «обрести новую жизнь» и «переселиться в новое тело» отнеслась с нормальной для умного человека иронией. Поэтому первым шоком для нее стало пробуждение вообще, вторым — пробуждение в теле маленькой девочки и третьим — осознание, что девочка эта — царевна Софья. Та самая, с которой потом будет бороться за власть Петр I. Однако изумление — проходяще, а желание жить и жить достойно — вечно. Как же все случится на этот раз? Опять несбывшиеся надежды, поражение, монастырь? Или все-таки возможен иной выход? Из терема, из старорусской жизни с ее запретами и обычаями? Из безысходности, которая от рождения до смерти сопровождала каждую русскую царевну?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-222180-4

© Гончарова Г.Д., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

*Как страшно выбрать Путь, решить не так, как надо.
Победы для других — и беды для тебя.
Над пропастью в цветах, средь Рая или Ада.
Горя и смеясь, страдая и любя,
Идя вперед всю жизнь, сквозь беды и подвохи,
Сквозь суету людей и многоцветье дел
Меняя, как расклад, проблемы и эпохи,
Возьмешь, что пожелал, поймешь, чего хотел,
Заплатишь по счетам. Часы пробили полночь,
И Смерть коснулась губ малиновки крылом.
Вердикт твоим делам пусть вынесут потомки.
А нам пора идти, в венец — и под крестом.*

ПРОЛОГ

Эта комната ничем не порадовала бы любителей мистики. Самый обычный зал. Разве что с большим камином. Ну так каким ему и быть в частном доме, принадлежащем хозяину с хорошим вкусом?

Резные дубовые панели, высокие потолки, тяжелые гардины, паркетный пол с подогревом, кресла — и люди в креслах. И пляшет, пляшет на поленьях огонь, как и много тысячелетий назад. Единственным, что не вписывалось в обстановку, был большой экран на стене — и проектор с мощным компьютером. Но и это не удивляло. Мало ли что понадобилось людям?

— Грядет эра Водолея. То есть — период перелома эпох.

Говорящий оглядел своих собеседников и остался чем-то недоволен. Хотя все слушали его со всем положенным вниманием.

С другой стороны, прописные истины все и так знают, вот если бы была поставлена проблема или предложен путь ее решения... Что ж! Сегодня им предстоит обсудить и первое и второе.

— Вы все прекрасно знаете, что мир находится в неустойчивости. Эгрегор бурлит, ноосфера отвечает чему угодно, только не своему определению, наши аналитики посчитали, что в такой обстановке мы перелом не пройдем.

Вот теперь внимание сосредоточилось на мужчине. Всего собравшихся тут было двенадцать, с ним — тринадцать. Все — средних лет, за исключением двух молодых людей. А впрочем, молодых ли? Взгляды и улыбки юности не подделаешь в зрелости. Возраст выдают глаза, а точнее, выглядывающая сквозь них душа. И, судя по взглядам, эти двое были не самыми молодыми из присутствующих.

— Шон, ты собрал нас, чтобы обсудить проблему, о которой всем известно?

Стильная худощавая брюнетка с зелеными глазами обвела собрание взглядом голодной пантеры. Погладила ворона на плече.

— Да, Пелагея. Именно об этом. Достаточно одного толчка, чтобы имеющаяся система опрокинулась, заливая мир потоками крови. И не думай, что тебе удастся отсидеться в углу. Ты погибнешь вместе со всеми, просто не в силах жить без подпитки эгрегора.

Женщина передернула плечами, но спорить не стала.

— Ты хочешь что-то предложить? — Мужчина азиатского вида смотрел серьезно и спокойно.

— Да, Миягино-сан. Именно за этим я и собрал наш Совет. Вы позволите краткий экскурс в историю?

Собрание молчало. Попробовали бы они не позволить...

Мужчина прищелкнул пальцами. В воздухе возникла и развернулась длинная схема, больше всего напоминающая дерево, которому не давали расти прямо, и теперь оно причудливо кривилось в разные стороны.

— Итак, схема развития нашего мира в последнюю эру. Первое нарушение гармоничного развития — падение Римской империи. Примерно четырехсотые годы нашей эры. Если бы Рим не пал под натиском Аттилы, мы бы имели другую картину развития. Вторая века — крещение Руси огнем и мечом. Третья века — падение

Византийской империи. Четвертая века — дом Романовых.

— Россия? — уточнила Пелагея.

— Абсолютно точно. Громадная по площади страна. Несмотря на все названия и переделки, империя, которая очень сильно влияет на ноосферу и вносит громадные возмущения.

— А другие у нас, значит, в углу тихо сидят и ничего не делают? Англия и Франция? Китай? Япония? Я уж молчу про Америку, в которой вырезали чертову прорву индейцев, что, несомненно, послужило общему благу и стабильности...

Пелагея даже возмущалась красиво, по-кошачьи, но на собравшихся это не произвело никакого впечатления. Видели уже, и не раз видели...

— Я могу предоставить расчеты, из которых следует, что камнем преткновения в настоящий момент является Россия. Или Русь, как вам будет более удобно ее называть. — Глава собрания смотрел холодно и жестко.

— И что вы предлагаете? — поинтересовался еще один из мужчин, блондин скандинавского типа.

— Если ничего не предпринимать, то нас ждет третья мировая война. Это все понимают?

Понимали. И даже очень хорошо. Принцип *«тело есть отражение духа, влияющее на дух»* был хорошо им знаком. Любые исторические процессы, происходящие на земле, отражались на ноосфере, любые процессы, происходящие в ноосфере, вызывали на земле катаклизмы — от природных до общечеловеческих.

— Но ведь Россия не виновата! — топнула ножкой Пелагея.

— Не виновата, — согласился с ней мужчина. — Просто сейчас на ней сходятся все узлы. Это не хорошо или плохо, это — просто жизнь. Так получилось.

— И что ты предлагаешь?

— Разумеется, исправлять ситуацию. То, что должны были сделать наши предшественники, которые решили жить по принципу «после нас хоть потоп», — резко ответил Шон. — Если бы они не пустили все на самотек еще сто лет назад, если бы вместо Николая на трон возшел Георгий...

Вторая из присутствующих на собрании женщин, огненно-рыжая молодая девушка вскинула тонкую черную бровь.

— Шон, мы понимаем, что в мире произошли значительные отклонения, но ты не забыл, кто мы? Мы — просто круг тринадцати! Мы не сможем серьезно повлиять на происходящее. Настолько серьезно, как тебе надо.

— Джиневра, ты ведь знакома с законом кругов и умножения зла, — резко ответил мужчина. — Или уже забыла историю? У нас перед глазами самый простой пример — династия Романовых. Все ужасаются из-за следствия, но почему-то никто не вспоминает о причинах. Хотя проследить законы воздаяния просто. Повешенный по приказу Михаила сын Марины Мнишек — и вот, триста лет спустя, уничтоженные потомки Романовых.

— Ну, Романовых там было... маловато, — нагло усмехнулась Пелагея.

Шон обжег ее таким взглядом, что ворон едва не упал с плеча ведьмы. О, этот мужчина по праву был главой Совета.

— Мне ли рассказывать тебе о семейных долгах? Приняв на себя имя Романовых, эти люди приняли и долги Романовых.

С этим спорить никто не стал.

— Не будем говорить об истории, — вмешался Миягино-сан. — Шон, ты предоставишь нам все расчеты после собрания?

— Разумеется. В любой момент времени и по первому требованию. Клянусь *силой*, я не преувеличиваю опасность и не пытаюсь получить что-либо для себя.

По комнате пронесся невидимый холодный ветерок. Мужчины и женщины переглянулись. В их среде такие клятвы давались крайне редко и означали, что в случае обмана мужчина готов стать обыкновенным человеком. Эгрегор не прощает тех, кто обманывает его именем, и отлучает от себя, словно перерезая пуповину. А без питательной силы маг — это всего лишь обычный человек, часто весьма преклонного возраста. И жизнь его длится весьма недолго.

Первым нарушил молчание смуглый мужчина, при взгляде на которого приходило только одно определение — «индийский йог». Характерные черты лица, смуглая кожа, белые одежды...

— Шон, ты собрал нас, чтобы обсудить проблему или предложить путь ее решения?

Мужчина усмехнулся. В уголках губ легла горькая складка.

— Я хочу предложить путь решения. Мы ограничены во времени, поэтому давайте решим так. Я изложу сейчас, чего я добиваюсь и как мы должны действовать, а потом прошу всех взять перерыв на месяц. Этого времени хватит, чтобы ознакомиться с моими выкладками, подумать, ну, и если все решатся — начать подготовку к осуществлению моего плана.

— Начать подготовку — до нашего решения?

— Да. Если понадобится, я сделаю все в одиночку. Хотя не знаю, чем мне придется за это заплатить.

Шон выглядел смертельно серьезным, и присутствующие тоже отбросили наносное. Склоки, ссоры, скандалы — разве это все так важно перед лицом вечности?

Некоторые представляют себе магов сборищем индивидуалистов, которые превыше всего ставят свои

материальные блага. Что ж. На низшей ступени так и есть.

Но ни один человек, ставящий свои интересы впереди интересов мира, не перейдет на следующую ступень прямого контакта с эгрегором планеты и получения сил от мира. Просто сгорит, оставляя пустую полубезумную оболочку. Эти люди шагнуть сумели. И не просто шагнуть — удерживаться на этой ступени уже несколько десятков — а кое-кто даже сотен — лет. Поэтому хоть и ругался Совет Тринадцати, хоть и производили они своеобразное впечатление, но в критических ситуациях они собирались и действовали как единое целое. Более того — целое с планетой и ее ноосферой.

Шон обвел взглядом коллег и начал говорить:

— Я не зря сказал о критических или переломных точках...

2015 год

Софья Романовна Ромашкина еще раз перечитала лежащую перед ней на столе желтоватую невзрачную бумажку. Виски заломило, и она перевела взгляд на окно. За громадным стеклом синело небо, мягко скользили по нему, словно натирая его до блеска, белые облачка, внизу виднелись верхушки деревьев. Совсем еще юных — вон ту липку она сама сажала, когда въезжали в новый офис.

Она не увидит, как это деревце станет взрослым.

Женщина потерла лоб, стараясь отогнать даже призрак головной боли, и опять бросила взгляд на бумажку.

Той было совсем не место на роскошном столе из цельного дубового массива. Своим неряшливым желтовато-затрапезным видом она нарушала гармонию этого места.

В кабинете Софьи Романовны всегда царила чистота, темные панели из натурального дуба, блеск стекла и металла, классика и модерн смешивались в причудливых сочетаниях...

Так-то.

Тебе еще даже пятидесяти пяти нет. А жизнь уже кончена.

Выписка из истории болезни мрачно подтверждала это, лежа поверх миллионного контракта на постройку офисного здания.

Софья взяла ее двумя пальцами и спровадила в мусорное ведро. К черту!

Не желает она больше ни думать, ни помнить!

Хотя как тут забудешь?

Самым мерзким недостатком начальницы, по мнению всех работающих на фирме, была ее идеальная память. Она в жизни не пользовалась ежедневниками, но, не глядя в календарь, могла озвучить свое расписание на месяц вперед. Это неизменно повергало в ужас секретарш и заставляло их сомневаться в своей компетентности.

Пискнул селектор.

— Да?

— Софья Романовна, к вам Яблочкин, из бухгалтерии.

— Пусть войдет.

Появившегося на пороге молодого человека Софья Романовна встретила насмешливой улыбкой и своим фирменным взглядом голодной пираньи в климаксе.

Мужчина лет тридцати пяти заерзал, занервничал, совершенно по-детски вытер вспотевшие ладони о двухтысячедолларовые штаны и покраснел, понимая, что начальнице все это видно.

Наконец Софье надоела пауза, и она кивнула провинившемуся подчиненному на кресло.

— Садись, Алексей Батькович. В ногах правды нет, попробуем нащупать выше...

Мужчина рухнул в кресло. Признаки были весьма плохими. Всех, кто работал в фирме, Гарпия — так подчиненные ласково называли начальницу — помнила и в лицо, и по имени-отчеству. И если начинала вот так играть словами...

— А теперь расскажи мне, почему вовремя не были заплачены деньги за отделочные работы в здании у Ерохина?

Спустя двадцать минут Софья подписала приказ об увольнении, поморщилась...

Развелось блатной шушеры! Конечно, Яблочкин-старший будет недоволен, но утрется. Она и так из милости взяла сопляка на стажировку, терпела опоздания, хотя самой себе их никогда не позволяла, но, чтобы загулять, прийти с похмелья и перепутать все документы... ей такие работники не нужны.

В мусор!

Из мусора нагло выглядывала противная бумажка грязновато-желтовато-серого цвета. И диагноз там был весьма неутешительный.

Опухоль головного мозга с множественными метастазами.

Неоперабельная.

Три-четыре месяца, максимум полгода жизни.

Обидно...

Три месяца спустя

Женщина приподнялась на локтях, окинула взглядом палату... да, несомненно, это была палата, только больничным заведениям присущ этот неприятный запах — смесь хлорки, крови и человеческих страданий.

Она лежала на кровати, застеленной достаточно чистым бельем, в окно било солнце... Софья поморщилась.

— Где я?

Голос был отвратительно слабым и неуверенным, но говорить жестче не получалось — мешала пересохшая гортань и запекшиеся губы.

— Вы очнулись?

С кровати рядом поднялась женщина.

— Подождите минуту, я позову медсестру...

Софья честно пролежала целых три минуты, показавшиеся ей вечностью, но дольше медсестричка ждать себя

не заставила. Девочка лет двадцати напоила Софью из специальной поилки с носиком, сообщила, что врач ушел пообедать, и объяснила ситуацию.

Софья находилась в самой обычной бюджетной клинике. В травматологии.

Она ехала по делам, вероятно, потеряла сознание за рулем и удачно вписалась в столб.

Удачно?

Да, это слово здесь наиболее уместно.

Никто не пострадал, включая и саму Софью. Машина, конечно, вдребезги, но «мерседес» — марка надежная. Вытянула. Софья же получила еще и подушкой безопасности по голове, скорее всего, у нее сотрясение мозга...

— Это когда мозги есть, — хмуро проворчала Софья.

Действительно, дохрабился индюк до супа. Что бы ей стоило взять машину с водителем? Десяток барбосов в гараже фирмы груши кое-чем околачивает, а она вот... Ну нравилось, нравилось Софье самой водить машину, чувствовать силу и мощь покорного ей зверя.

У ее машин были имена, были свои характеры, судьбы, свой пол и возраст...

— Машина невосстановима?

— Простите, я не знаю.

Бедный «макс». «Мерседес» звали именно «максом». И кто сказал что машина — это мертвый набор деталей? Сами вы... три дня не умывались!

Вот так вот, если бы не сила характера, не было бы у нее «макса». Если бы не нежелание признавать болезнь, то есть тот же характер, был бы он жив-здоров. А теперь чинить... хотя КАСКО все покроет, куда они денутся. Юристы у нее тоже есть, и не из последних.

— Ладно. Скоро прибудет врач?

— Я скажу ему, чтобы он пришел, как только...

— А пока — где мой телефон?

— Не знаю. Наверное, в хранилище...

— Извольте найти его и принести мне.

Софья распоряжалась как дышала. И на медсестричку это тоже подействовало, девочка пискнула нечто согласное и помчалась искать телефон. Софья постановила про себя, что надо бы отблагодарить малышку — и посмотрела в потолок.

Руки-ноги на месте, голова болит, мысли путаются... сотрясение мозга?

Вполне вероятно. Чем это может ей грозить?

Активизацией болезни — тоже несложно догадаться. Не факт, нет. Но опухоли штука такая, не изученная до конца, как бы там ни пыжились медики.

За последние три месяца Софья успела пройти обследования еще в двух местах за рубежом, получить консультации у нескольких онкологов и невропатологов и прийти к печальному выводу.

Лечить ее могут. А вылечить — нет.

Можно колоть ей всякую пакость, облучать гамма-и прочими лучами и даже молиться над ее тушкой. Результат будет один и весьма печальный — смерть.

Если лечить — через год, если не лечить, то через шесть-восемь месяцев.

Стоят ли четыре месяца жизни того, чтобы ради них страдать, мучиться, терпеть врачей и превращать себя в инвалида?

Сложно сказать. Но Софья начала пить таблетки в той мере, которая не мешала ей вести активный образ жизни. Больше медицина ей дать ничего не могла.

Нет, предлагали-то много всего. Традиционные и нетрадиционные методы лечения, молитвы, заговоры, пляски с бубном, новейшие исследовательские разработки, стволовые клетки...

Предлагались различные варианты, вплоть до святого старца-отшельника и мага — потомственного хилера от-

куда-то с Гавайев... На Софью это впечатления не произвело.

Чего уж там, жизнь была прожита хорошая. Хотя умирать все равно не хотелось. Еще столько сил, столько жизни, столько сделать можно... а придется уйти.

Жаль...

Компанию жаль, хотя тут она уже позаботилась. Пакет документов подготовлен, с ее стороны все подписи проставлены — фирма отойдет в хорошие руки одного из ее соперников.

Софья усмехнулась, вспомнив, как она появилась на пороге кабинета Орлова. Она терпеть не могла этого сноба, который возводил свой род чуть ли не к князьям Орловым и, по слухам, не сильно лгал, но признавала его достоинства.

Ей бы да лет на тридцать поменьше — точно б его не упустила.

Орлов, в определенных кругах прозванный Князем, не был особенно красив, но порода в нем была, несомненно. Светлые волосы, черные брови, темно-карие глаза, орлиный нос и тяжелый подбородок. Такие лица часто глядят со старинных портретов.

— Максим Венедиктович, день добрый.

— Софья Романовна, рад вас видеть.

Не рад. И Софья это отлично знала. Она у него пару дней назад увела миллионный контракт, просто чтобы победить, чтобы доказать, что она это может. Но воспитание — страшная штука, оно не позволит вышвырнуть в окошко пожилую даму, даже если очень хочется. Вот киллеру проплатить... хотя это уже не нужно, ничего не нужно.

— Максим, давайте без церемоний. — Софья тяжело опустилась в кресло. — Я старше вас почти вдвое.

— Вы мне льстите, — усмехнулся Орлов.

Женищина передернула плечами. Ей — под шестьдесят, ему — за тридцать, нелепо кокетничать...

— Я пришла к вам с предложением, от которого вы не сможете отказаться.

— Вот как?

— Я предлагаю вам слияние наших компаний.

— Простите, Софья Романовна, от этого предложения я отказаться...

— Не сможете, — спокойно оборвала его Софья. — У меня неоперабельная опухоль мозга. И жить мне осталось недолго. Поэтому я здесь, вместо того, чтобы разорить вас и сожрать.

Максим сидел молча несколько минут. Потом поднял на Софью глубокие темные глаза.

— Не могу сказать, что мне жаль. Я вам сочувствую, да...

— Но я испортила вам слишком много крови, знаю. Это сейчас ненужная лирика. Скоро меня не станет, но моя компания, в которую мы с Владимиром вложили все, из-за которой он жизнью поплатился... я не хочу, чтобы она погибла вместе со мной.

Максим опустил ресницы.

— Ваши условия?

Условия были идеально просты. Софья продавала свою компанию Максиму за крупную сумму денег. Но поскольку компания стоила гораздо дороже, за ней оставались десять процентов акций, которые переходили к ее наследникам. И им же выплачивались определенные суммы на жизнь из дивидендов с компании. Софья осознавала, что просто дарит семьдесят процентов своего дела, но...

— Это слишком щедро.

— Знаю. Вас это тревожит? Умирающий человек может себе позволить тратить деньги.

— Не хочу грабить вашего сына.